

Встань над миром,
Савичева Таня,
со своей
немыслимой судьбой

(по поэме Сергея Смирнова
«Сердце и дневник» и рассказу
Юрия Яковлева «Девочка с
Васильевского острова»).

Сергей Смирнов

Сердце и дневник

ЮРИЙ ЯКОВЛЕВ

девочки с васильевского острова

Рисунки Светозара Острова

Издательский дом • «НИГМА» • Москва 2016

Анна
Анна
Анна
12.30
1941

Анна
Анна
25
30
1942

Анна
Анна
17
55
1942

Анна
Анна
13
1942

Анна
Анна
10
1942

Анна
Анна
13
6730
1942

Анна
Анна
1942

Анна
Анна
1942

О дневнике Тани

Этот дневник – 9 страничек из маленькой записной книжечки – фигурировал среди множества других обвинительных документов против фашизма на Нюрнбергском процессе.

9 страничек – 9 записей. Первая сделана 28 декабря 1941 года, последняя -13 мая 1942 года. За это время, за 4,5 месяца, умерли 6 человек из семьи Савичевых. О каждом из них Таня, самая младшая из Савичевых, делала записи в своем дневнике. На последних страничках она написала: «Савичевы умерли, умерли все, осталась одна Таня».

Копия дневника есть в музее Пискаревского кладбища, странички его повторены в камне памятника на Ладого, у тех мест, откуда брала своё начало «Дорога жизни», по которой вывозили из Ленинграда детей на Большую землю. Ежегодно сотни людей читают их, и сотни человеческих сердец сжимаются от боли и гнева.

И люди хотят знать о Тани всё: какого цвета у неё были волосы, как она училась, чем увлекалась, какие читала книги, какие пела песни. И ещё – хотят побольше узнать о тех, чьи имена выведены детским Таниным почерком на страничках её дневника. Сегодня на эти вопросы можно дать ответ.

Вступление

На берегу Невы,
В музейном зданье,
Хранится очень скромный дневничок.
Его писала
Савичева Таня.
Он каждого пришедшего влечёт.
Пред ним стоят сельчане, горожане,
От старца –
До наивного мальчика.
И письменная сущность содержания
Ошеломляет
Души и сердца.

Дневник Тани Савичевой

Отрывок из рассказа Ю. Яковлева

Я Валя Зайцева с Васильевского острова. У нас на Васильевском всегда ветрено. Сечет дождь. Сыплет мокрый снег. Случаются наводнения. И плывет наш остров, как корабль: слева – Нева, справа – Невка, впереди – открытое море.

У меня есть подружка – Таня Савичева. Мы с ней соседки. Она со Второй линии, дом 13. Четыре окна на первом этаже. Рядом булочная, в подвале керосиновая лавка... Сейчас лавки нет, но в Танино время, когда меня ещё не было на свете, на первом этаже всегда пахло керосином. Мне рассказывали.

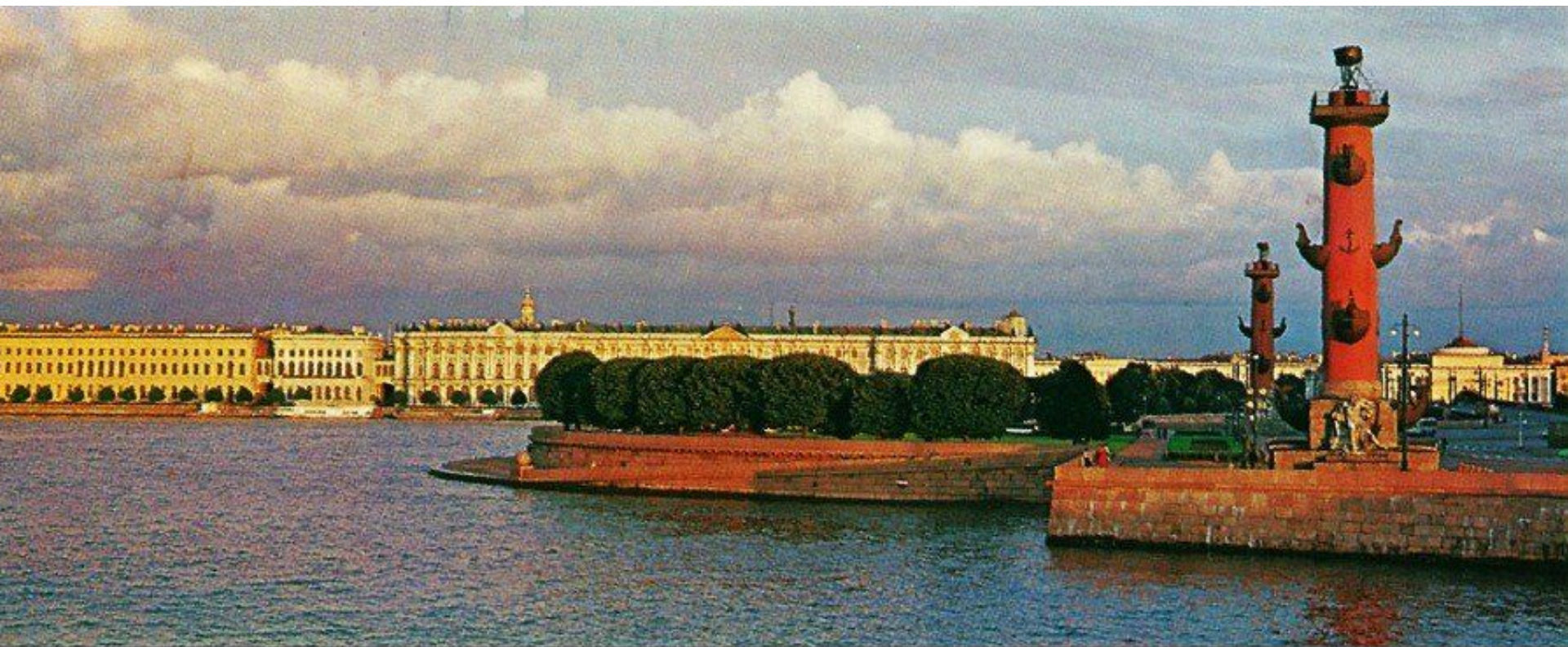
Тане Савичевой было столько же лет, сколько мне теперь. Она могла бы давно уже вырасти, стать учительницей, но навсегда осталась девчонкой... Когда бабушка посылала Таню за керосином, меня не было.

Etzel

1 ЛИНИЯ Д. 50

**В ЭТОМ ДОМЕ
ТАНЯ
САВИЧЕВА
НАПИСАЛА
БЛОКАДНЫЙ
ДНЕВНИК
1942**

осталась
одна &
Таня

И в Румянцевский сад она ходила с другой подружкой. Но я все равно про неё знаю. Мне рассказывали.

Она была певуньей. Всегда пела. Ей хотелось декламировать стихи, но она спотыкалась на словах: споткнется, а все думают, что она забыла нужное слово. Моя подружка пела потому, что, когда поешь, не заикаешься. Ей нельзя было заикаться, она собиралась стать учительницей, как Линда Августовна.

Она всегда играла в учительницу. Наденет на плечи большой бабушкин платок, сложит руки замком и ходит из угла в угол. «Дети, сегодня мы займемся с вами повторением...» И тут споткнется на слове, покраснеет и повернется к стене, хотя в комнате – никого.

Говорят, есть врачи, которые лечат от заикания. Я нашла бы такого. Мы, василеостровские девчонки, кого хочешь найдем! Но теперь врач уже не нужен. Она осталась там... моя подружка Таня Савичева. Её везли из осажденного Ленинграда на Большую землю, а Дорога жизни не помогла ей. Её убили фашисты. Не пулей, не снарядом – голодом. Не все ли равно, чем убивают. Может быть, пулей не так больно, как голодом?...

О семье Савичевых

Жили Савичевы большой дружной семьёй на второй линии Васильевского острова в первой квартире дома 13.

Отец Николай Родионович был пекарем и умер в 1936 году от болезни. Мать Мария Игнатьевна, белошвейка, как тогда говорили, была одной из лучших вышивальщиц в ателье мод. Она вела домашнее хозяйство, в чем помогала ей бабушка. А заботы были немалые. Пятеро детей.

Леонид (по-домашнему Лека) работал строгальщиком на заводе имени Свердлова, Женя – обмотчицей на заводе «Электрик», Нина - чертежница завода имени Ленина, Михаил-слесарь – сборщик завода имени Карла Маркса. Таня училась в средней школе №35 города Ленинграда. В квартире этажом выше два брата отца – дядя Леша и дядя Вася, они считались членами семьи Савичевых. Утро 22 июня 1941 года Савичевы встретили в родном городе.

О том, как сложилась дальнейшая судьба семьи Савичевых, повествуется в поэме Сергей Смирнова.

Не гуденье цеха или домны,
Не дыханье фабрики зерна, –
Нет!

Во весь размах страны огромной
Полетел призыв: «Вставай, стра
Днём и ночью бьют по Ленинграду
Огневые средства всех систем.

И уже,

В предчувствии парада,
Гитлер ждёт паденья этих стен.

А когда войска к исходу лета
Больше взять ни пяди не смогли

Он –

Стереть! –

Приказывает «этот
Населённый пункт
С лица земли...».

Раньше всех встаёт на кухне Женя
И скорей из дома – поутру.
Таня, с тайным чувством уваженья,
Провожает старшую сестру,
На завод, за восемь километров,
Ходит Женя каждый божий день,
И уже, пугающе–заметно,
Таёт, словно собственная тень.
Там, в ущерб ослабшему здоровью,
Эта «рядовая от станка»
Отдаёт бойцам запасы крови, –
Донор – кровный друг фронтовика.
Женя, Женя...
Ранняя сутулость,
Измождённость ясного чела.

...На завод ушла
И – не вернулась...
Прямо на работе
Умерла...
Не метель в горелом переулке
Клок афиши трогает и гнёт, –
Вынимает Таня из шкатулки
Памятную книжечку-блокнот.
Ищет букву «Ж» по алфавиту,
Карандаш достала из стола
А затем, недетски деловито,
Вписывает:
*«Женя
умерла
28 дек. в
12.30 час.
Утра
1941 г.»*

Но от повседневного стоянья
В очереди, стылой, как стена,
Бабушка дышать не в состоянье:
Вся пробита стужею она.
Прилегла,
Дрожит от лихорадки,
А в глазах усталость и тоска.
Таня ей пристроила под пятки
Половик и грелку из песка.
Но к обеду старой стало хуже, –
Уронила руку, словно плеть,
И лицо, свинцовое от стужи,
Постепенно начало белеть.
И на стало бабушки Авдотьи...
И, как прежде, верная себе, –
Вносит Таня
В свой дневник-блокнотик
Этот скорбный факт – где буква «Б»:

Бабушка

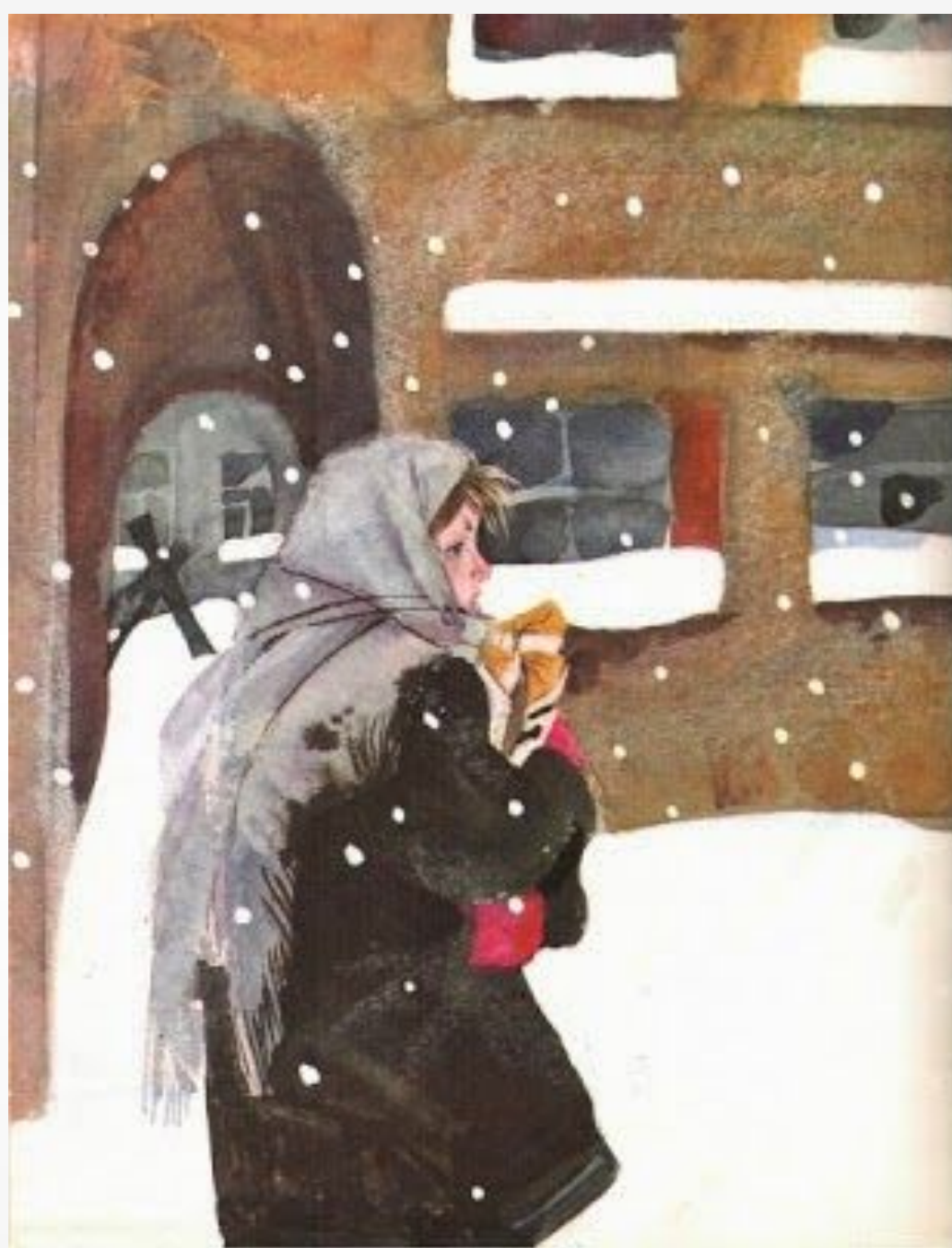
Умерла

25 янв.

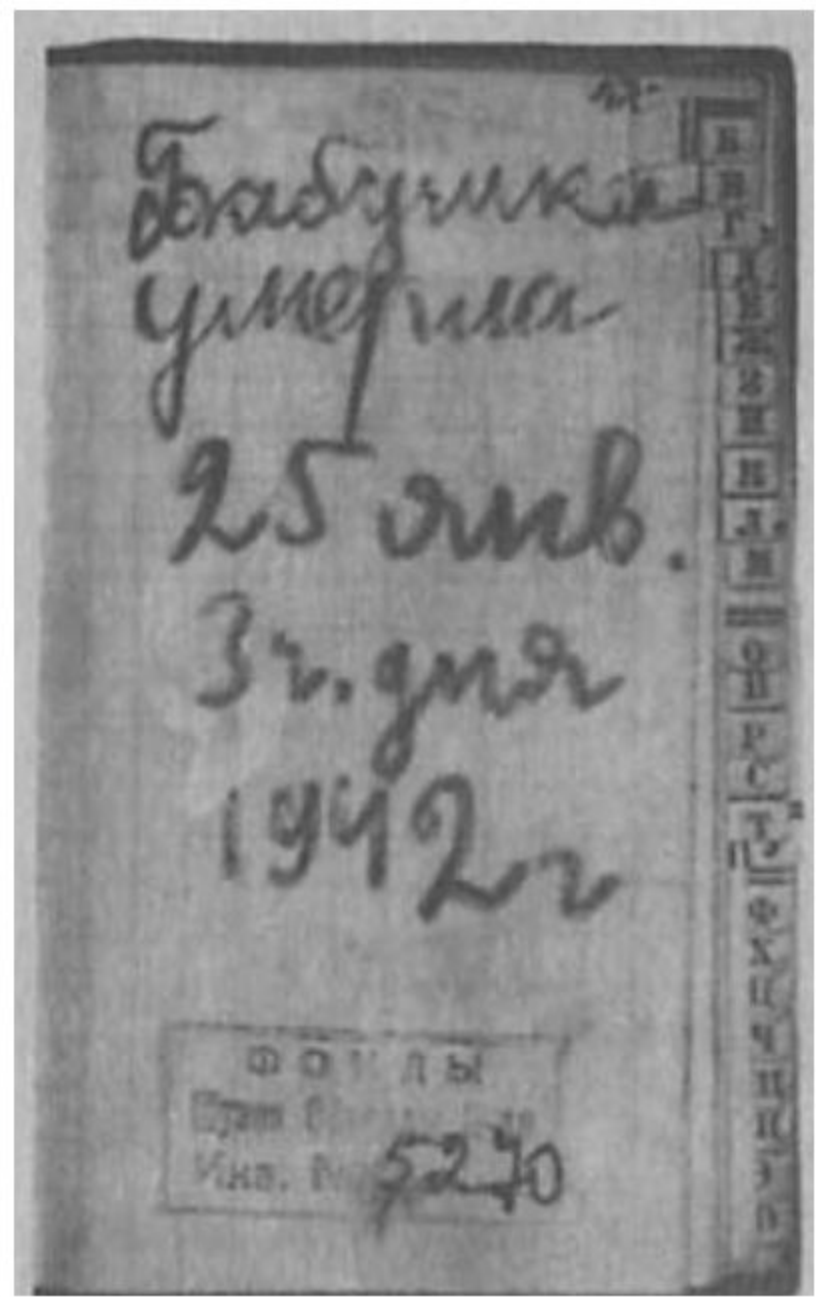
Зч. дня

1942 г.

Не разбудят больше – ни фугаска,
Ни зенитка, бьющая до звёзд.
И на хрупких Таниных салазках
Увезли старуху на погост...

Евдокия Григорьевна Арсеньева
(1867-1942)

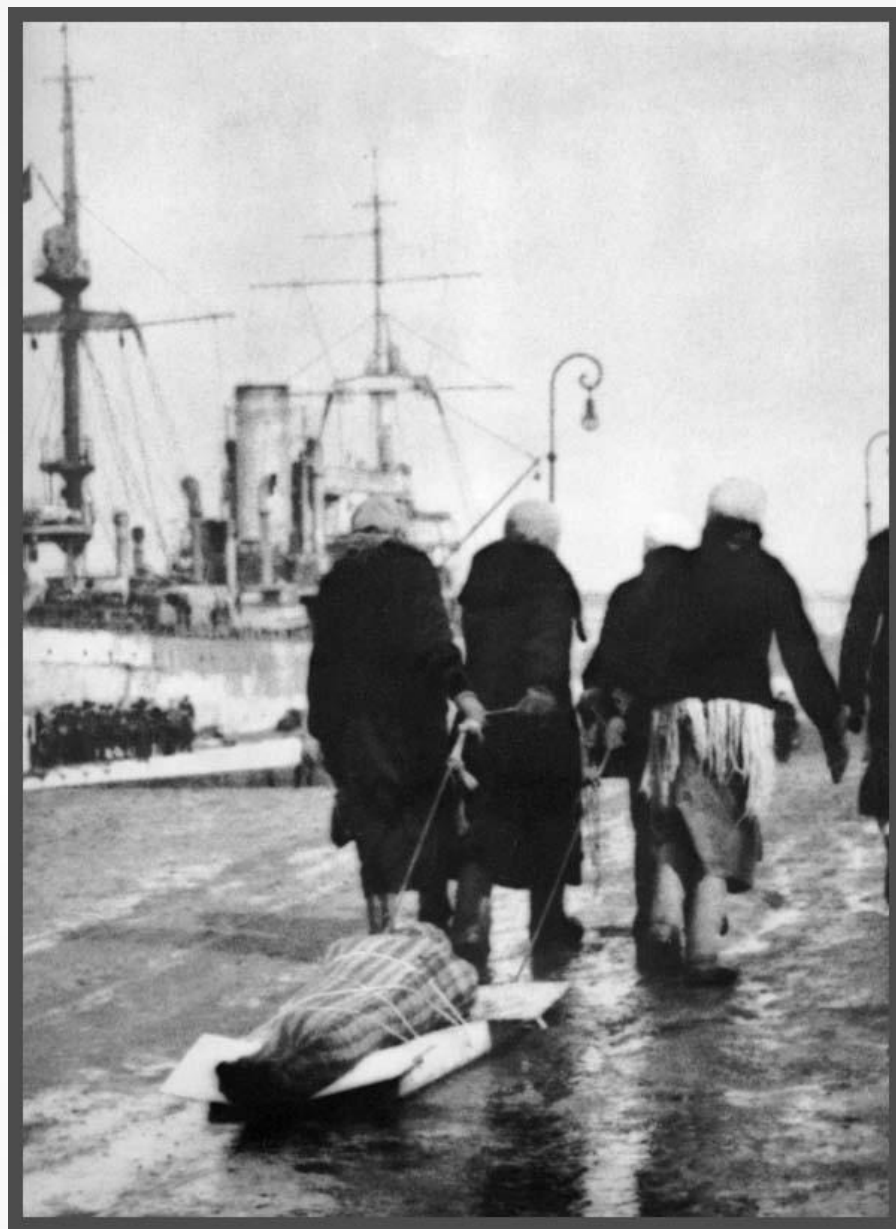
А под говор мартовской капели
Занемог и Лёка-Леонид.
От предельной меры истощенья
Он улёгся, скрючился в дугу.
А во взгляде боль:
«Прощу прощенья,
Что подняться больше не могу»
«Лёка!.. Лёка!..» –
А его не стало.
Стиснув рот. Погашены зрачки.
В пальцах, не отмытых от метелла,
Холодеют Лёкины очки.
И опять же –
Вынула украдкой
Свой блокнотик

младшая сестра.

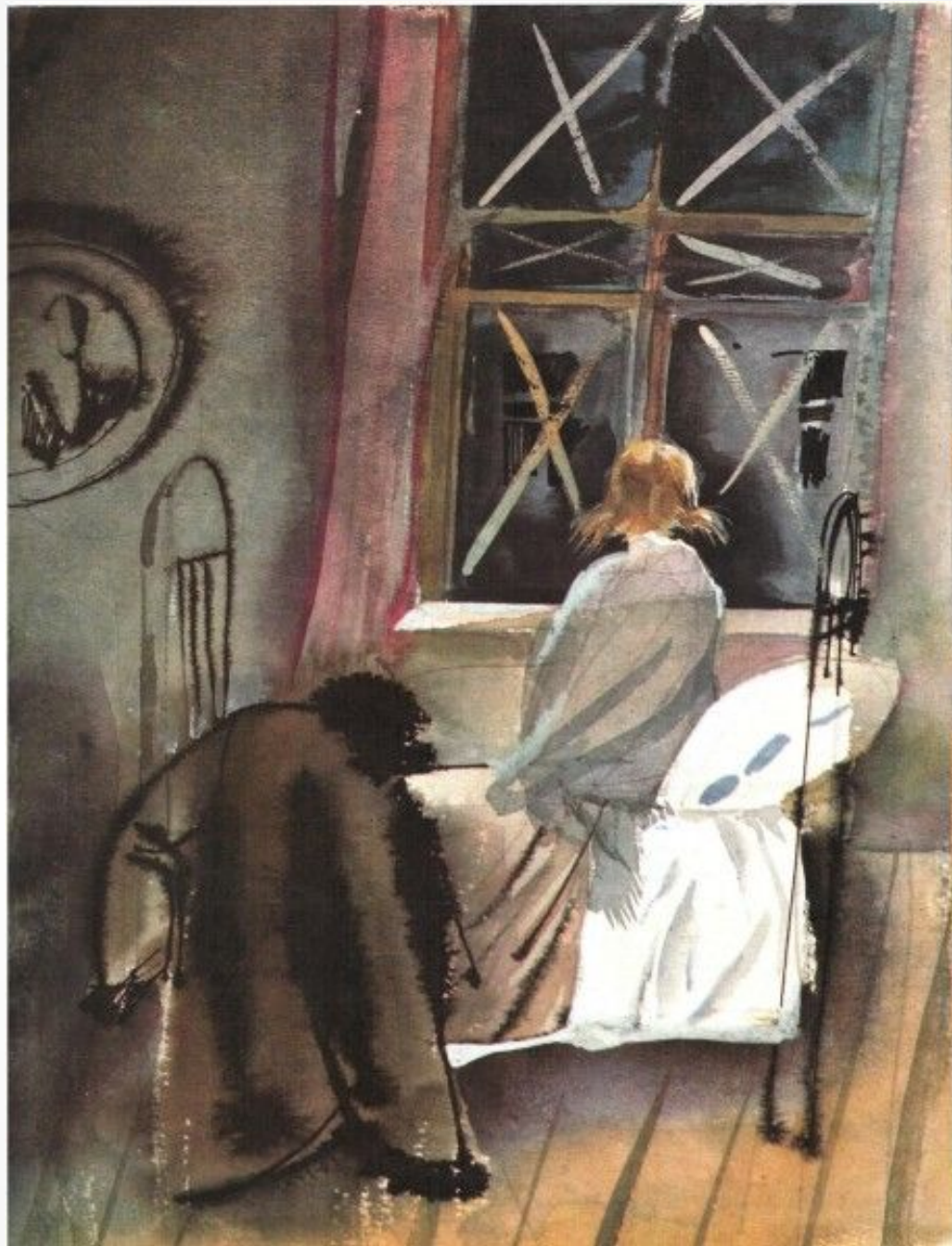
И вписала
Строго,
Крупно,
Кратко:
«Лёка умер...

в пять часов утра...»

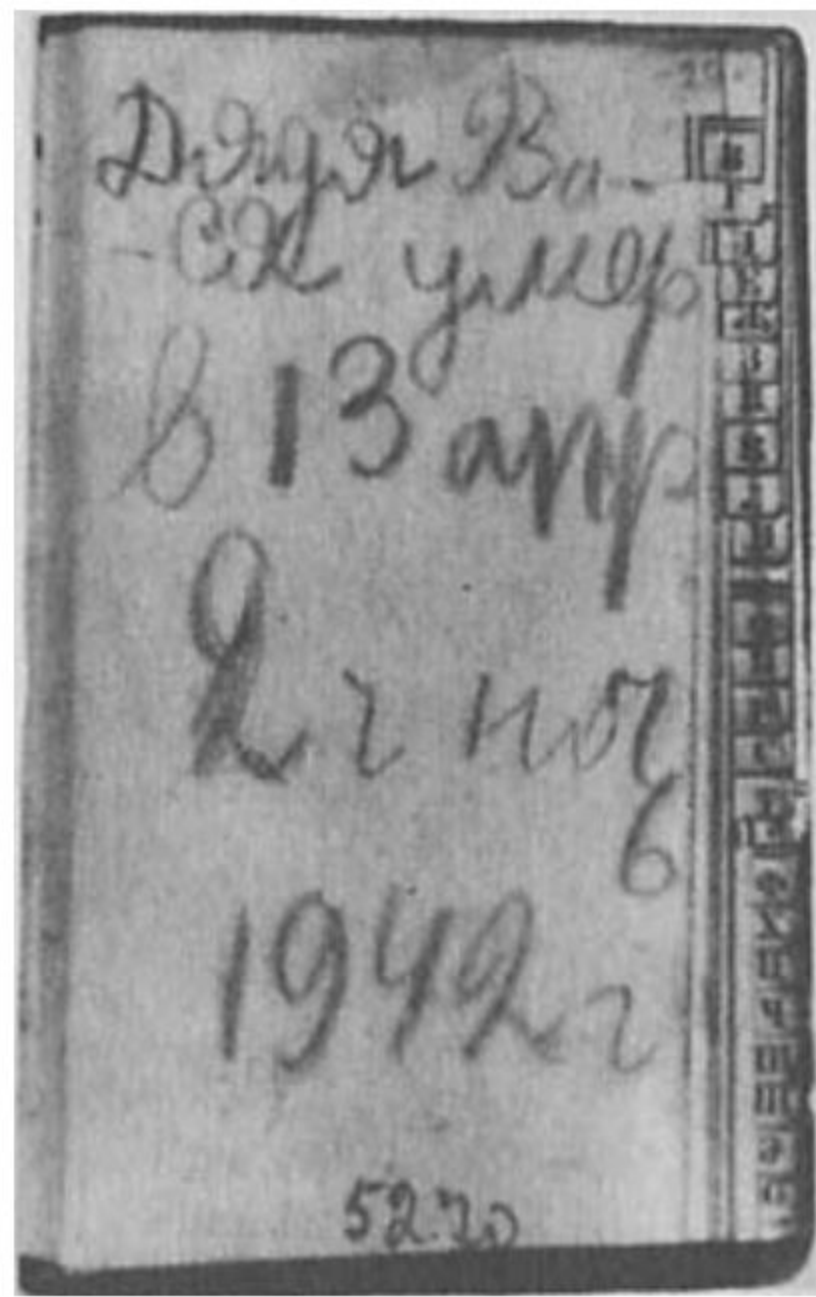
*17 марта
В 5 час. Утра
1942 г.*

Дядя Вася был кумиром Тани
И единомышленником – ей.
Он шкафы с отборными томами
Завещал племяннице своей.
Но увы, с коротким шелестеньем
Эта книга выпала из рук...
Был и нет на свете человека...
Отсветил...
Над ним сомкнулась тьма...
А во тьме – его библиотека,
За стеклом – тома, тома, тома.
И остались строчки завещанья
Как единой линии пример:
«Это всё – моей и нашей Тане.
Книголюбец Савичев В.Р.»
И под новой тягостью раздумий,
Сжав дневник, как птаху в рукаве,
Таня пишет:
«Дядя Вася умер...» –
На страничке с чёрной буквой «В».
Дядя Вася
умер
В 13 апр.
2ч. Ночь 1942 г.

Василий Родионович Савичев
(1885-1942)

*Не журавка из-за синя моря
Держит путь за теплым ветром вслед,-
Обитает в кухонной каморе
Девочка одиннадцати лет.
Скоро ей исполнится двенадцать,
Только б жить, учиться и расти.
Таня, Таня, если разобратся,
Сердце - беззащитное почти.
Но у сердца - собственное зренье,
Часто выше зоркости ума.
Тут свои особые прозренья,
Стиль, и такт, и выдержка сама.
И оно встречает все удары,
Всю несправедливость бытия.
И недаром, именно недаром,
Взвешивает факты
Как судья.
Сердце ей диктует все поступки,
И она, пускай еще мала,
Копит в нем, как будто влагу в губке,
Щедрость человеческого тепла.*

КАРТОЧКА

НА ХЛЕБ

НА ДЕКАБРЬ 1941 г.

№ п.

в утере не возобновляется

15 XII B 25 гр ХЛЕБ	12 XII B 25 гр ХЛЕБ	9 XII B 25 гр ХЛЕБ	6 XII B 25 гр ХЛЕБ	3 XII B 25 гр ХЛЕБ
15 XII B 25 гр ХЛЕБ	12 XII B 25 гр ХЛЕБ	9 XII B 25 гр ХЛЕБ	6 XII B 25 гр ХЛЕБ	3 XII B 25 гр ХЛЕБ
15 XII A 25 гр ХЛЕБ	12 XII A 25 гр ХЛЕБ	9 XII A 25 гр ХЛЕБ	6 XII A 25 гр ХЛЕБ	3 XII A 25 гр ХЛЕБ
15 XII A 25 гр ХЛЕБ	12 XII A 25 гр ХЛЕБ	9 XII A 25 гр ХЛЕБ	6 XII A 25 гр ХЛЕБ	3 XII A 25 гр ХЛЕБ

25 XII B 25 гр ХЛЕБ	23 XII B 25 гр ХЛЕБ	21 XII B 25 гр ХЛЕБ	19 XII B 25 гр ХЛЕБ	17 XII B 25 гр ХЛЕБ	14 XII B 25 гр ХЛЕБ	11 XII B 25 гр ХЛЕБ	8 XII B 25 гр ХЛЕБ	5 XII B 25 гр ХЛЕБ	2 XII B 25 гр ХЛЕБ
25 XII B 25 гр ХЛЕБ	23 XII B 25 гр ХЛЕБ	21 XII B 25 гр ХЛЕБ	19 XII B 25 гр ХЛЕБ	17 XII B 25 гр ХЛЕБ	14 XII B 25 гр ХЛЕБ	11 XII B 25 гр ХЛЕБ	8 XII B 25 гр ХЛЕБ	5 XII B 25 гр ХЛЕБ	2 XII B 25 гр ХЛЕБ
25 XII B 25 гр ХЛЕБ	23 XII B 25 гр ХЛЕБ	21 XII B 25 гр ХЛЕБ	19 XII B 25 гр ХЛЕБ	17 XII B 25 гр ХЛЕБ	14 XII B 25 гр ХЛЕБ	11 XII B 25 гр ХЛЕБ	8 XII B 25 гр ХЛЕБ	5 XII B 25 гр ХЛЕБ	2 XII B 25 гр ХЛЕБ

Вот он блокадный кусочек
хлеба.
125 граммов
на весь день.

*Ломтик хлеба,
кружка кипятку,
ложка жиденькой каши-
- вот и весь обед
блокадного ленинградца.*

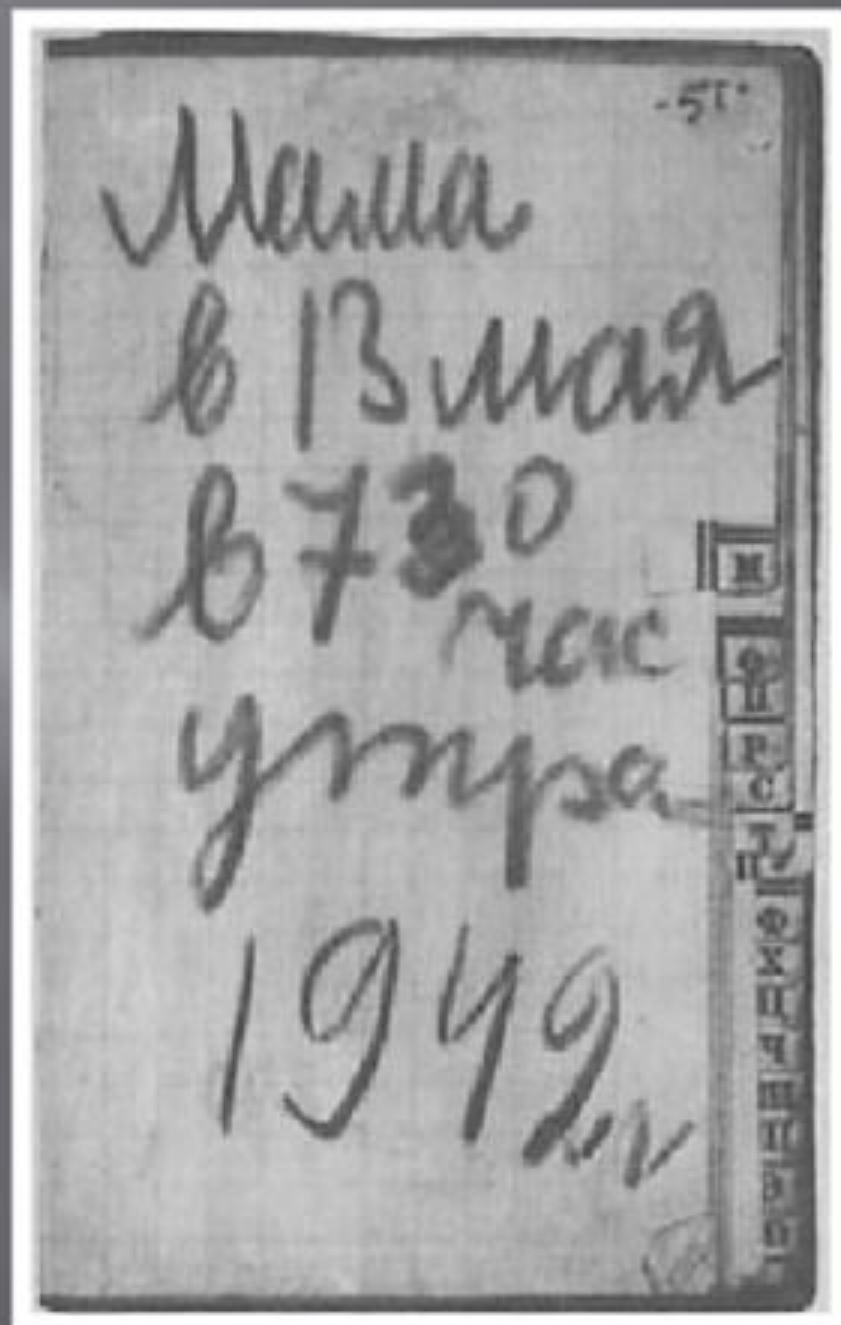
Всё могла себе представить Таня.
Всяких бед навиделась она.
Но никак, никак в её сознание
Не вмещалась истина одна, –
Что и мама после всех аварий
Занеможет,
Выронит иглу
И велит бежать за тётей Варей,
В сонную предутреннюю мглу.
И ... немеет Таня отрешенно,
Девочка с глазами мудреца,
И не сводит взора с рук скрещённых,
С маминого
Строгого
Лица...
Умерла.
Задач не дорешила,
До конца всех дел не довела.
Отгремела швейная машина.
Отмелькала быстрая игла.

И – раскрыла свой блокнотик снова
Девочка одиннадцати лет.
Ощутила грифель под рукою.
Примостилась около стола.
И строка за тягостной строкою
На страницу
Каменно
Легла:

Мама

*в 13 мая
в 7.30 час.
утра
1942 г.*

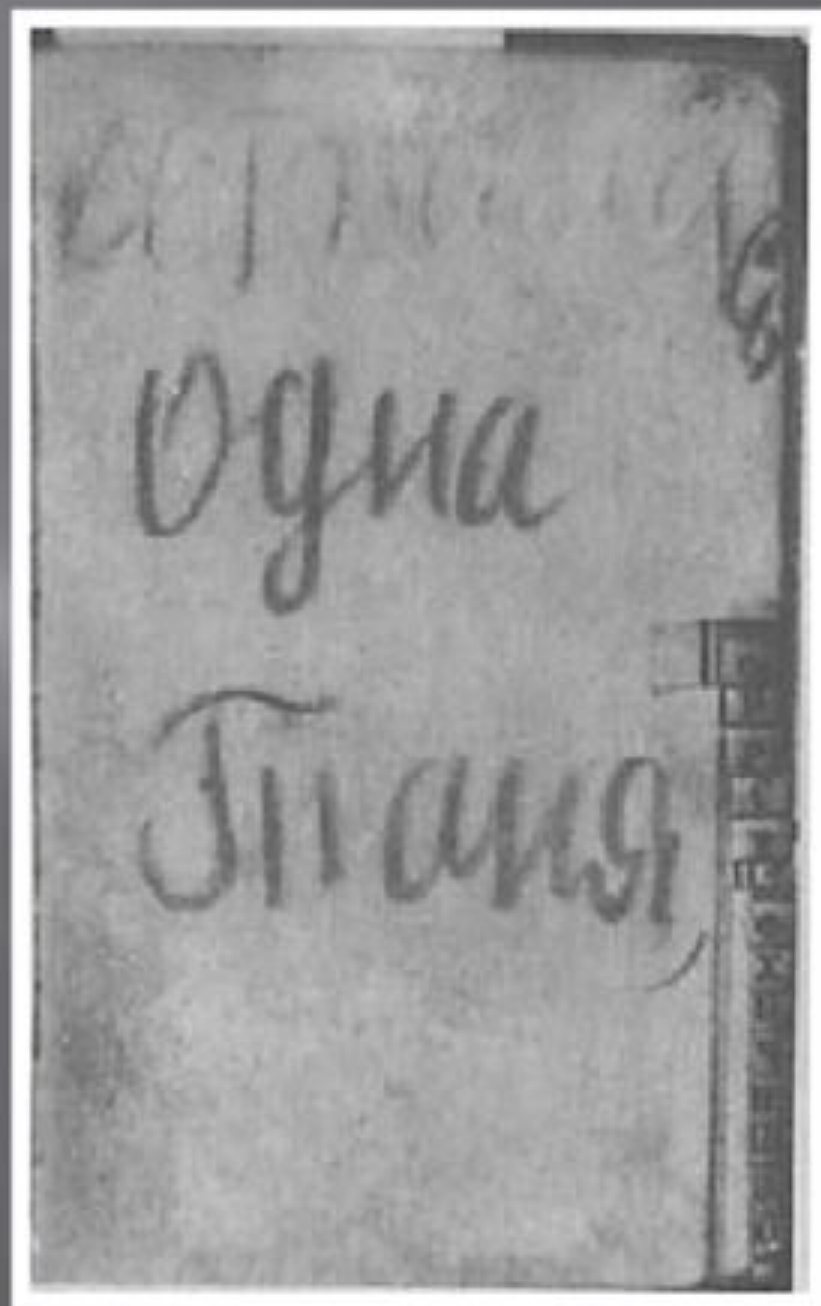
Мария Игнатьевна
Савичева
(1890-1942)

...Машинально Таня полистала
Свой немногословный дневничок.
Все семейство Савичевых встало
Перед нею
Вновь наперечет.
И она, буквально по два слова,
Пишет, как на крайней полосе:
Савичевы умерли.
И снова:
Умерли
И добавляет:
все.
За окном – весеннее блистанье
А она сиротски занесла
В свой дневник :
Осталась одна Таня.
Даже не поставила числа.

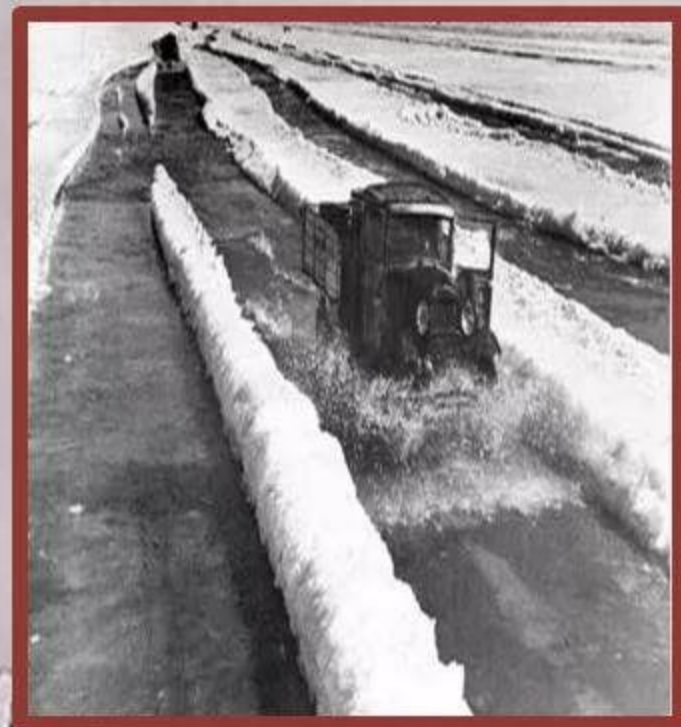

Савичева Татьяна
Николаевна
(1930-1942)

Таню Савичеву вывезли из осажденного Ленинграда на Большую землю, но дорога Жизни не помогла ей. Её убили фашисты. Не пулей, не снарядом – голодом. Не все ли равно, чем убивают. Может быть, пулей не так больно, как голодом?

«Дорога жизни» — название ледовой дороги через Ладогу зимой 1941–1943 гг. Дорога жизни, фактически, была единственным средством сообщения Ленинграда с Большой землей. В город везли продовольствие, а обратно стариков и голодных детей.

*Дорогой жизни шел к нам хлеб,
дорогой дружбы многих к многим.
Еще не знают на земле
страшней и радостней дороги.*

Ольга Берггольц

Институт теоретической астрономии, возглавляющий работы по малым планетам, настоящим свидетельствует, что малая планета № 21.27, открытая советскими астрономами, получила название в честь ленинградской школьницы Савичевой Тани. Отныне эта неотъемлемая частица Солнечной системы будет именоваться малая планета (21.27 TANYA).

Да, Таня осталась девочкой и стала планетой.

Светлой памяти Тани посвятил свою поэму «Сердце и дневник» поэт Сергей Васильевич Смирнов.

Это – всем живущим в назиданье,
Чтобы каждый в суть явлений вник, -
Время
Возвышает
Образ Тани
И её доподлинный дневник.
Над любимыми в мире дневниками
Он восходит, как звезда, с руки.
И гласят о жизненном накале
Сорок две святых его строки.
В каждом слове – ёмкость телеграммы.
Глубь подтекста,
Ключ к людской судьбе,
Свет души, простой и многогранной,
И почти молчанье о себе...
Это смертный приговор убийцам
В тишине Нюрнбергского суда.
Это – боль, которая клубится.
Это – сердце, что летит сюда...

15

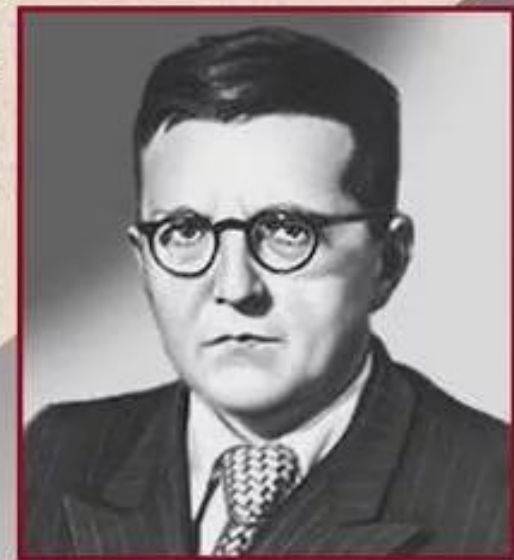
Большой зал Филармонии

16

КОНЦЕРТЫ
СИМФОНИЧЕСКОГО ОРКЕСТРАК. И. ЭЛАЗБЕРГ
ШОСТАКОВИЧ
СЕДЬМАЯ СИМФОНΙΑBORODULIN'S
COLLECTION

Композитор Дмитрий Дмитриевич Шостакович перенес все ужасы блокады. Он выстрадал свою героическую Седьмую (Ленинградскую) симфонию. Она была исполнена в марте 1942 г. в блокадном Ленинграде.

Симфония Шостаковича была нужна ленинградцам. Она поднимала дух измученных людей, внушала веру в то, что Ленинград выстоит в этой беспощадной борьбе со смертью.

9 августа 1942 года в блокадном Ленинграде Большой симфонический оркестр во главе с Карлом Элиасбергом исполнил Седьмую симфонию Дмитрия Шостаковича. Какой ценой далось это выступление оркестра?

После голодной зимы 1941 в оркестре осталось только 15 человек, а требовалось более ста. Из рассказа флейтистки блокадного состава оркестра Галины Лелюхиной: «По радио объявляли, что приглашаются все музыканты. Было тяжело ходить. У меня была цинга, и очень болели ноги. Сначала нас было девять, но потом пришло больше. Дирижера Элиасберга привезли на санях, потому что от голода он совсем ослабел. Мужчин даже вызывали с линии фронта. Симфония требовала больших физических усилий, особенно духовые партии - огромная нагрузка для города, где и так уже тяжело дышалось». Ударника Жаудата Айдарова Элиасберг отыскал в мертвецкой, где заметил, что пальцы музыканта слегка шевельнулись. «Да он же живой!». Шатаясь от слабости Карл Элиасберг обходил госпитали в поисках музыкантов.

Кларнетист Виктор Козлов вспоминал: «На первой репетиции некоторые музыканты физически не могли подняться на второй этаж, они слушали внизу. Настолько они были измучены голодом. Сейчас невозможно даже представить себе такую степень истощения. Люди не могли сидеть, так они исхудали. Приходилось стоять во время репетиций».

В день исполнения симфонии все артиллерийские силы Ленинграда были брошены на подавление огневых точек противника. Симфония транслировалась по радио, а также по громкоговорителям городской сети. Ее слышали не только жители города, но и осаждавшие Ленинград немецкие войска, считавшие, что город практически мертв. После войны двое бывших немецких солдат, воевавших под Ленинградом, разыскали Элиасберга и признались ему: «Тогда, 9 августа 1942 г мы поняли, что проиграем войну».

- Двенадцатилетняя ленинградка Таня Савичева начала вести свой дневник чуть раньше Анны Франк, жертвы Холокоста. Они были почти ровесницами и писали об одном и том же - об ужасе войны. И погибли эти две девочки, не дождавшись Победы: Таня – в июле 1944, Анна – в марте 1945 года.

- «Дневник Анны Франк» был опубликован после войны и рассказал о своем авторе всему миру. «Дневник Тани Савичевой» не был издан, в нем всего 7 страшных записей о гибели ее большой семьи в блокадном Ленинграде. Эта маленькая записная книжка была предъявлена на Нюрнбергском процессе, в качестве документа, обвиняющего фашизм.

Меня
умерла
28 дек в
12³⁰ час
утра
1941г

Бабушка
умерла
25 янв.
3г. дня
1942г

Дядя Ва-
сел умер
в 13 апр
2г. нощ
1942г

Лека
умер
17 марта
в 5 час утр
1942г

Дядя
Лема
10 мая
в 4г. дня
1942г

Мать
в 15 мая
в 7³⁰ час
утра
1942г

Савур-
овы
умер-
ли

Останки
огня
Тиланды

Этот дневник известен ныне всему миру. Девять трагических страничек фигурировали среди множества других

обвинительных документов против фашизма на **Нюрнбергском процессе**. Другого такого дневника в мире нет, потому что ничто не может сравниться с тем, что пережили ленинградцы в блокадную зиму 1941/42 года.

